

К.С. Баранцевич

ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОК

И

другие рассказы

СПИСК

Казимир Баранцевич

**Первый заработок.
И другие рассказы**

Православное издательство "Сатисъ"

2008

Баранцевич К. С.

Первый заработок. И другие рассказы / К. С. Баранцевич —
Православное издательство "Сатись", 2008

ISBN 5-7363-0139-7

В книгу Клавдии Баранцевич вошли рассказы о детях и детстве в прежней,
царской России.

ISBN 5-7363-0139-7

© Баранцевич К. С., 2008
© Православное издательство
"Сатись", 2008

Содержание

Первый заработок	6
Полевой колокольчик	15
Ворона	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Казимир Баранцевич
Первый заработок. И другие рассказы

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозского

ВЛАДИМИРА

© «Сатись», оригинал-макет, оформление, 2008

Первый заработок

I

Стоял, а может быть, и теперь еще стоит, на одной из окраин города в ряду деревянных домишек, окруженных палисадниками с тощими деревцами, ветхий, покривившийся домик, окрашенный в коричневую краску. В этом домике проживал со своей семьей чиновник Петр Степанович Перехватов. Два маленьких оконца его квартиры выходили на задний двор и едва возвышались над уровнем мостовой; за железной решеткой, ограждавшей пыльные стекла, по зимам накоплялся снег, и тогда уже совсем прекращался доступ света. В крошечной квартирке, состоявшей всего из одной комнаты и кухни, наступал такой мрак, что среди дня приходилось зажигать лампу. Впрочем, и весной, и летом в квартире было ненамного светлее, так как солнце почти не заглядывало туда: чуть-чуть косым лучом позолотит край оконного пролета и скроется, а там жди, когда-то смилостивится, – снова заглянет.

«По одежке протягивай ножки», говорит пословица, и как ни мрачна была квартира Петра Степановича, а приходилось в ней жить, потому что попросторнее и посветлее квартиру нанять было не на что. Петр Степанович, впрочем, мало бывал дома; утром рано отправится на службу, придет домой, пообедает, часок отдохнет, и опять на занятия, до вечера, когда уже пора чай пить да спать ложиться. Зато жена его, Аграфена Кузьминишна, и дети: Дуня 8 лет, Вася 3-х и Петя 1? года, безвыходно сидели в квартире, особенно по зимам: на дворе – мороз, не выйдешь, а в доме все-таки тепло.

Примостится Аграфена Кузьминишна к тусклому окошку и, пользуясь скудным светом, склонив голову, торопливо шьет, только мелькает игла, зажатая в бедных художавых пальцах. Ребятишки возятся у ног матери, на полу, и иной раз поднимают такой писк и гам, что даже терпеливая мать рассердится и прикрикнет. Затихнут на время дети, чем-нибудь займутся, а там, глядишь, опять история: или Вася ни с того ни с сего хватит в лоб Петю деревянной ложкой, да так, что у того моментально вскочит шишка, или сам Петя потянется за чем-нибудь, потеряет равновесие и стукнется затылком об пол. В обоих случаях поднимались крики и плач и не смолкали до тех пор, пока Аграфена Кузьминишна не бросит работу, не возьмет на руки пострадавшего и не утешит чем-нибудь.

Иногда мать в сердцах крикнет старшей девочке:

– Дунька! Возьми ребенка! Чего смотришь? Успокой его!

Легко сказать, а какво сделать? Чем утешить, когда ребенок закинул назад голову, и, весь багровый от напряжения, заливается-плачет.

– У ту-ту! Вари кашицу круту! Петя! Петюша! А вон окошечко!.. А вон мужик прошел!.. Мужик, мужик, поди сюда! Вот тебя мужику отдам! Трубочисту отдам! – решает вдруг Дуня, – смотри, смотри, трубочист идет! Черный-пречерный!

Какое уж тут утешение, если грозит трубочисту отдать? Петя хотя и не понимает еще, что значит слово «трубочист», но раз затынул свою музыку, бросить ее не хочет, и дело кончается тем, что Аграфена Кузьминишна, потеряв всякое терпение, отнимет ребенка, да заодно, с огорчения, не удержится, чтобы легонько не ткнуть неразумную няньку.

– У, дрянь! – скажет, – ребенка занять не умеешь. – Дуня тихонько отойдет в уголок, присядет на сундук и, пригорюнившись, задумается: неужели она уж такая никуда негодная девчонка, что даже Петю нянчить не умеет?

И тяжело и скучно ей станет. Видит она, что мать работает, рук не покладая, некогда ей с Петей возиться, видит, что и отец трудится с утра до ночи, бедно-то у них и тесно, и едят-то они плохо, а как помочь, как сделать, чтобы все было хорошо – не знает!

«Вот вырасту большая, – думает Дуня, – тогда уж я как-нибудь сделаю, чтобы лучше было. Работать буду, помогать буду папеньке и маменьке. А только что же я буду работать? – задает себе вопрос Дуня и задумывается. – Шить буду, – решает она, – вот как маменька, на рынок шить буду!»

И решив, что она будет шить, Дуня незаметно подкрадывается к окну, чтобы посмотреть на работу матери. Видит она разные сшитые вещи, на них рубцы, стежки, все так ловко, хорошо прилажено, а вот как нужно шить, – не знает. Опять Дуня пробирается в угол, садится на свое любимое местечко и горько у ней на душе, оттого, что она еще ничего не знает, не умеет.

А сумерки ползут да ползут... Вот уже потемнели дальние углы комнаты, все предметы слились вместе, вот уж и у окна совсем стало темно. Мать зажигает лампочку, а в это время в двери стучится отец. Сели за стол, похлебали щей, поели картошки, отец лег отдохнуть, мать посуду перемывает, а Дуня опять – в свой уголок, Петю на руках держит, забавляет его, а сама все думает свою прежнюю думу.

II

На одном коридоре с Перехватовыми жили старички – муж и жена, Анкудин Селивестрович и Пелагея Макаровна. Муж был столяр, жена занималась шитьем. Шила она, как и Аграфена Кузьминишна, тоже на рынок; обе часто встречались и познакомились. Бывало, нужно идти Аграфене Кузьминишне на рынок, или куда по делу, детей не с кем оставить, а одних боится, вот она и попросит Макаровну посидеть часок, другой. Старушка соберет свою работу и все припасы, т. е. нитки, наперсток, огромные старинные очки, придет к Перехватовым и сядет к окошку. Сидит и шьет. Дети ее любили и при ней редко шумели, даже Петя и тот стихал, стоило только старушке взять его на руки. Ласковая, добрая была старушка и знала как нужно водиться с детьми.

Вот однажды вздумала Дуня попросить Макаровну поучить ее шить.

– Умница, умница! – похвалила Макаровна и даже по голове погладила, – садись вот тут, подле, с правой руки, и смотри, как я буду шить. Вот тебе и все ученье! Наука не мудреная! Часок, другой посидишь, на сегодня и будет с тебя. А там я тебе наперсточек маленький принесу, иголку да лоскуточек какой ни на есть дам, – шей себе. Покажешь, я тебе расскажу, что хорошо, что худо, так и научишься. Все мы так учились, девушка! Наука не мудреная!

Забралась Дуня на окошко, к сторонке, сидит и смотрит, как шьет Макаровна. Старушка видит плохо, – большие, круглые очки на шнурочке помогают мало, да зато навык есть, не сбивается, стежки кладет не спеша, ровные, красивые и рубчик тонкий-претонкий подрубают.

А у Дуни лицо разгорелось, глаза блестят. Кажется ей, что она все поняла, иглу бы только в руки, не хуже Макаровны сшила бы.

– Макаровна, – говорит Дуня, – я могу.

– Что можешь? – спрашивает старуха.

– Шить могу.

– Ой-ли?

– Могу.

– Ну-ка, попробуй!

Дала ей Макаровна лоскут и иглу с ниткой, Дуня схватилась живо, даже руки дрожат. Сунула иглу, продернула нитку, раз, другой, – вышло криво, и стежки один другого больше; попробовала ещё, – палец наколола.

Рассмеялась Макаровна.

– Ишь, – говорит, – какая ты торопливая! Поспешешь, людей насмешишь. Не пригляделась путем, а уже шить хочешь. Так нельзя! Смотри хорошенько... Видишь, как я иголку держу, а нитку нужно вот так. Смотри попристальнее, а уже шить начнешь, когда я тебе скажу!

«Ладно, – думает Дуня, – стану смотреть. Макаровна правду говорит. Палец-то наколола – как больно!»

И начала Дуня приглядываться повнимательнее, как шьет Макаровна, а через несколько дней старушка сама ей дала иголку, лоскут и показала как шить.

Конечно, первые уроки нелегко давались Дуне. И стежки-то у ней были неровные и палец опять часто накалывала до крови, да ведь не даром говорится: без труда не вытащить рыбку из пруда, на все нужны труд, терпение, а кто способен, или приучен к тому и другому, тот уж свое возьмет.

Недели через две Дуня научилась шить порядочно, и не раз вызывалась пособить матери подрубить, или стачать что, но Аграфена Кузьминишна не верила искусству дочери и не решалась поручить ей заказную работу.

Таким же почти способом научилась Дуня читать и писать. Заниматься с нею было некому. Как-то, в свободную минуту, Петр Степаныч разыскал истрепанную азбуку и показал Дуне буквы. На другой же день Дуня знала их наизусть. Отцу некогда было показать ей склады и все ученье, быть может, на этом бы и кончилось, если бы опять не Макаровна. С трудом разбирая буквы через свои старые, тусклые очки, но все-таки зная грамоту, Макаровна принялась учить Дуню, и та вскоре начала читать довольно свободно. Писать она научилась сама, стала сперва выводить буквы по печатному, а потом воспользовалась теми курсивными буквами, которые нашла в той же азбуке.

Этим и закончилось образование Дуни. О том, чтобы поместить ее в школу, нечего было и думать: во-первых, она была нужна дома, как помощница матери и нянька маленьких братишек, во-вторых, Петр Степанович находил, что для девочки достаточно читать и писать, не то что мальчику, который со временем должен будет поступить на службу.

III

Холода в ту зиму стояли очень сильные. По улицам, в вечернее время, то и дело можно было видеть пылающие костры, около которых грелись извозчики... Кому не нужно было выходить на улицу в такие морозы, тот сидел дома, – но Аграфена Кузьминишна не принадлежала к числу таких счастливцев.

Она часто должна была относить на рынок работу и забирать новую, а так как осеннее пальто, в котором выходила Аграфена Кузьминишна, плохо защищало от холода, то немудрено, что в один из особенно холодных дней она простудилась: у ней опухли руки и ноги. Аграфена Кузьминишна напилась липового цветку, легла в постель и укрылась, но это средство не помогло, и на следующее утро она, совсем больная, с трудом могла выйти с кровати. Нужда не позволяет хворать, и как ни скверно чувствовала себя Аграфена Кузьминишна, но принуждена была заняться домашними заботами, делая усилия «размяться». Действительно, опухоль несколько опала, но не прошла совсем, и с тех пор Аграфена Кузьминишна стала частенько прихварывать: то приключится кашель, то сделается ломота во всем теле. Она не обращала внимания на недуг, да и недосуг ей было заниматься им, а болезнь развивалась своим чередом и довела Аграфену Кузьминишну до того, что она сходила, наконец, в лечебницу. Доктор прописал микстуру и посоветовал немедленно уехать в деревню отдохнуть. Микстуру Аграфена Кузьминишна, скрепя сердце, купила, но о поездке в деревню даже и не подумала, так как этот совет был невыполним.

Между тем кашель и слабость увеличивались с каждым днем и довели Аграфену Кузьминишну до того, что она слегла окончательно.

Потянулись тяжелые, тоскливые дни... Лежа в кровати, слабым, прерывающимся от кашля, голосом Аграфена Кузьминишна отдавала разные приказания Дуне, которая находилась безотлучно при ней, – и больная сердилась, когда что-нибудь делалось не так.

А что могла сделать девочка? Она и то стряпала, прибирала посуду, чинила белье и платье, нянчилась с Петей и в то время, когда при виде больной матери рыдания сжимали ее горло и слезы выступали на глаза, она должна была напевать братишке веселую песенку.

В один тусклый день, когда на улице стояла оттепель и от сырых испарений, смешанных с дымом, на улицах и здоровым тяжело было дышать, а Аграфене Кузьминишне совсем сделалось худо, Петр Степанович привел доктора.

Врач, – молодой, белокурый человек в очках, – постучал в сухую грудь и спину больной, послушал и только головой качнул.

Петр Степанович, сам исхудавший и сморщенный, с робкой надеждой в глазах смотрел на доктора, в ожидании, когда тот станет писать рецепт.

Но доктор не присаживался к столу и стоял, в задумчивости, понурился голову.

– Ну что, доктор? – решил спросить Петр Степанович.

Тот отвел его в сторону и сказал что-то.

Дуня видела, как дрогнуло лицо отца, как оно потом приняло умоляющее выражение, и отец быстро, шепотом стал о чем-то просить доктора.

Тот пожал плечами, прописал что-то для успокоения больной и взялся за шапку.

Петр Степанович с непокрытой головой вышел провожать доктора в сени и там сунул ему в руку кредитную бумажку. Доктор не взял бумажки, крепко обеими руками пожал руку Петра Степановича и скрылся за воротами.

Надежды уже не было...

Больная таяла как свечка, и в один ясный, солнечный день тихо скончалась на руках убитого скорбью мужа и горько рыдавших детей.

IV

Наступила весна. Река освободилась от льда и на хребте своих синих волн унесла его в далекое море; резвые пароходики забегали по ней, весело посвистывая. С каждым днем в воздухе становилось теплее. Перепадали дожди, но горячее солнце обсушивало землю и вызывало к жизни растительность. За городом, на островах, поля уже пестрели майскими цветами, – почки развернулись на деревьях и в небесной лазури жаворонок запел свою весеннюю песню.

В одно ясное утро Петр Степанович с Дуней и Васей шли по дороге к кладбищу. Петр Степанович нес саквояж, наполненный съестным, так как он рассчитывал провести с детьми на кладбище целый день, Дуня в корзинке несла кустики маргариток и анютиных глазок, которые предполагалось посадить на могиле матери.

На улице, прилегавшей к кладбищу, к путникам то и дело подбегали мальчишки и девочки с предложениями купить венки, но Петр Степанович не купил ни одного, так как тот венок из живых цветов, который должен был украсить могилу жены, был хоть и прост, но дороже и лучше продажного.

Петр Степанович и дети прошли через все кладбище мимо богатых мраморных памятников и чугунных крестов и приблизились к последнему разряду, примыкавшему к забору, за которым открывался широкий простор пестревшего цветами поля. Здесь из веток, посаженных родными умерших, выросла целая рощица самых разнообразных пород: были тут и кудрявая береза, и рябина, и разлапый, темно-зеленый дуб вперемешку с пахучей черемухой.

Дуня с Васей опередили отца и прибежали на могилку, около которой врыта была скамейка. Дети, запыхавшись, сели на траву и стали слушать пение птички в ветвях большого, росшего неподалеку, дерева. Птичка была маленькая, серая, с красным горлышком, но распе-

вала словно соловей. Петр Степанович помолился на могиле и, положив саквояж на траву, присел на скамейку отдохнуть.

Так прошло несколько минут. Васе надоело слушать птичку и он пошел бродить, срывая тонкие ветви кустарников и делая из них хлыстики.

Дуня все сидела на траве и молча наблюдала, что происходило вокруг. По светло-голубому небу плыли, не застилая солнца, легкие, белые облачка. Теплый ветер чуть колыхал молодые листья на деревьях. Вот лучи солнца пригрели в траве одинокую красную бабочку, и она, растопырив слабые крылья, поднялась и начала кружиться, взлетая все выше и выше. Издали чуть слышно доносился благовест, и мелодический звон колоколов, не нарушая тишины кладбища, как бы придавал еще более святости этому месту.

Отдохнув, Петр Степанович вынул из бокового кармана пальто самодельную лопаточку и, засучив рукава, принялся за работу. Когда земля была достаточно разрыхлена, Петр Степанович бережно брал один за другим кустики маргариток и, посадив в ямки, приминал землю.

У Дуни, которая глядела на работу отца, вдруг явилось желание помочь ему.

– Папенка, – спросила она, – нужно полить цветы?

– Конечно, нужно, – отвечал Петр Степанович, – не знаю только, где тут воды достать?

– Я знаю, где вода, – вскричала Дуня, – вон там, за мостиком! Прошлый раз, когда мы проходили мимо, много было воды.

– Так-то так, – отвечал Петр Степанович, – а чем я ее буду черпать? Жаль, не захватили ничего.

Дуня с минуту подумала.

– Папенька, можно мне сходить к сторожу? – спросила она.

– Зачем к сторожу?

– Я у него попрошу что-нибудь, в чем воду носить.

– Ну, ступай, попроси! Да ведь не даст, пожалуй.

– Даст, даст!

Дуня побежала в сторожку и скоро возвратилась с маленькой заржавленной лейкой.

– Молодец, Дуня! – похвалил Петр Степанович, – ну, покажи теперь, где ты видела воду?

– Нет, нет, папенька, я сама! – крикнула Дуня и побежала к мостику.

Вскоре она вернулась и начала поливать цветы.

Раз десять пришлось сходить Дуне за водой; она покраснелась, устала, и когда Петр Степанович намекнул, что пора закусить, и достал саквояж, из которого аппетитно выплянул кусок пирога, у Дуни и Васи глаза заблестели.

Целый день они провели на кладбище: гуляли, читали надписи на крестах, Дуня рвала цветы и составила очень хорошенький букетик, а Вася набрал десятка полтора хлыстиков. Косые лучи заходящего солнца багровым светом озаряли верхушки деревьев, когда Петр Степанович и дети возвращались с кладбища. Петр Степанович нес на руках Васю, который набегался вдоволь и устал до того, что глаза его смыкались, а голова клонилась на плечо отца. Дуня с пустым саквояжем шла позади, вся предавшись своим думам. Легко и отрадно было у ней на душе. Почему-то ей казалось, что мать знала о том, что они все были у ней в гостях, слышала их речи, и ей было приятно, что ее не забыли, любят так же сильно, как и при жизни. У ворот дома Дуня встретила с Макаровой. Давши пройти Петру Степановичу и наклонившись к девочке, старуха шепнула:

– Приди ко мне на минутку. Я тебе что-то скажу...

V

– Макаровна, вы что-то хотели сказать? – спросила Дуня, вбегая в каморку старухи.

– Хорошее, хорошее, девушка! – отвечала та, – пойдика сюда!

Она подвела Дуню к окну, около которого стоял стол, и указала на лежавший на нем целый ворох полотна.

– Видишь ли! – сказала Макаровна, – это уж все скроено по мерке, как следует! А шить будешь ты!

– А что это будет? – спросила Дуня, с любопытством разглядывая полотно.

– Рубашки, девушка, рубашки! Господин заказал... целую дюжину!

– А как же, Макаровна, я буду шить? – недоумевала Дуня.

– Очень просто: возьмешь и сошьешь! – отвечала Макаровна, – заказано-то мне, да у меня другая есть работа – старушечья: носки вязать. А заказ-то к сроку, так я уж и надумала тебе отдать!

– Да как же, Макаровна! – начала Дуня, краснея от удовольствия, что ей поручают такую большую работу.

– Заладила одно: «как же, да как же»! – рассердилась Макаровна, – бери знай, да шей! Через две недели кончить нужно. Плата хорошая, по рублю за рубашку, девушка! Половину отдашь мне за кройку, остальное себе.

– Ах, спасибо, спасибо, Макаровна! – воскликнула Дуня.

– Шесть рублей получишь! Шутка-ль!

– Шесть рублей! Макаровна, милая, дорогая!

Дуня в восторге бросилась к Макаровне и так крепко сжала обеими руками ее шею, что старушка даже закашлялась.

– Ну тебя, сумасшедшая! – закричала она на нее, – чуть не задушила! Да отстань, право! Садись-ка за работу! Первую рубашку, как будешь шить, я посмотреть должна, – не напутала бы.

– Нет, я не попутая, не бойтесь! – отвечала Дуня, – я уж знаю как! А папеньке нужно сказать.

– Как знаешь! Отчего же, скажи.

Дуня задумалась

– Нет, – решила она, – папеньке я не скажу. Он подумает, что я не сумею сшить, испорчу, и не велит брать! Нет, нет, я лучше так, как-нибудь потихоньку буду шить, чтобы никто не знал, а когда получу деньги, принесу, тогда во всем и признаюсь.

Макаровна согласилась с Дуней. А во избежание всяких случайностей решено было сделать так: рубашки остаются у Макаровны, и Дуня каждый день, как только отец уйдет на службу, Ваня школу, а Петя играть во двор, забирается к Макаровне и там шьет, пока Макаровна готовит отцу обед. После обеда, во время отдыха отца, Дуня урвется на часок, а там отец уйдет на занятия и возвратится к 10 часам; и этим временем можно воспользоваться, и выходит, что, за исключением маленьких перерывов, работать можно целый день.

Условившись с Макаровной, Дуня побежала домой ставить самовар. Никогда она так проворно не управлялась со своими обязанностями, как в этот вечер, – все у ней в руках горело. Самовар скипел несколькими минутами раньше, и пока настаивался чай, Дуня успела сбегать в лавочку за ситником. После чая посуда была живо перемыта, вытерта и уставлена в шкафчик, пол выметен, постели отцу и братьям готовы. И если бы Петр Степаныч не был занят взятой на дом работой и сколько-нибудь обратил внимания на дочь, он бы должен был подметить в ней нечто необыкновенное. Глаза ее блестели, и лицо, на котором как бы отражалось одной ей известное намерение, таинственно улыбалось.

На другой день Дуня принялась шить. Никто, кроме Селивестрыча, не знал, что затевается в каморке Макаровны. Но Селивестрыч, и без того от природы молчаливый и несообразительный, сидел на дворе, в сарайчике и был погружен в тонкости сооружения какого-то затейливого заказного буфета. Глядя на рисунок, он часто вздыхал и глубокомысленно тер переносицу коричневыми от лака пальцами, решительно ни на что, кроме своей работы, не

обращая внимания. Макаровна тут же, на дворе, вязала носки и часто, оставляя носок со спицами на скамейке, заглядывала на кухню к Перехватовым, где бурлили щи и попевала гречневая каша.

Дуня, оставшись одна в каморке Макаровны, уселась за стол и принялась стачивать различные части первой рубашки. Она шила хорошо, ровно, красиво и отчетливо, но мысль о том, что заказчик может почему-либо остаться недовольным, заставила ее сомневаться в своей работе. То ей казалось, что полотнища пригнаны неровно, и она манила из окна Макаровну, чтобы та посмотрела и сказала свое мнение; то будто строчка выходила неровной, и она в страхе останавливалась шить, и на глазах уже навертывались слезы.

«Господи, – думала Дуня, – неужели я совсем никуда не способна!»

К вечеру рубашка была почти готова. Макаровна осмотрела работу и осталась довольна.

– Молодец, молодец, девушка! – похвалила она, глядя Дуню по голове, – для первого случая очень хорошо! Устала, небось, голубушка? Поди, отдохни!

VI

Работа была окончена, и ее нужно было нести заказчику. Как на грех, Макаровна прихворнула, почему, не надеясь на свои слабые, старые ноги, попросила Дуню снести работу и получить деньги. Макаровна хотела ей дать в спутники Селиверстыча, но старик начал ворчать, что его отнимают от работы (он все еще возился с буфетом), да и сама Дуня не захотела.

– Я одна, одна схожу, Макаровна, – говорила она, – адрес есть, я найду, где живет этот господин. И узел никто не отнимет, и под лошадей не попаду, не бойтесь!

Дуня с нетерпением ждала ухода отца. Петр Степаныч, как всегда, неторопливо умылся, оделся, напился чаю, но Дуне казалось, что все это он делает дольше обыкновенного. Наконец, Петр Степаныч вышел со двора; Дуня тотчас побежала к Макаровне, у которой вчера еще рубашки лежали увязанными в чистую простыню.

– Тяжеленька ноша-то, девушка! Под силу ли? – заметила Макаровна, снаряжая Дуню.

– Это-то тяжело! – весело воскликнула Дуня, одной рукой приподнимая узел, – совсем легкий узел!

– Ну ладно, девушка, ладно! Христос с тобой! Дай Господи благополучно! Ступай, Христос с тобой!

Макаровна благословила Дуню и сама перекрестилась.

Дуня вышла с узлом в руках и пошла по улице, гордясь тем, что она несет заказчику свою работу. Но по мере того, как она отдалялась от дома и, попадая в группы пешеходов, двигавшихся по тротуарам, замечала вокруг себя чужие, озабоченные и неприветливые лица, – чувство беспокойства начинало овладевать ею. Хорошо ли она сделала, что взяла работу, не сказавши отцу? Хорошо ли, что ушла из дому, не сказавшись? Положим, Петя остался на попечении Макаровны, а Вася в школе, но что если папенька вернется со службы и не застанет ее дома? И хотя Макаровна уверяла, что заказчик живет недалеко, и она успеет десь раз сходить и вернуться, прежде чем придет отец, Дуне казалось, что отец все-таки придет раньше, не застанет ее дома, и она уже не могла себе представить, что из этого произойдет. Но как было сказать отцу? Ведь она целые две недели думала о том, какую неожиданность приготовит ему, когда вдруг отдаст заработанные деньги! И Макаровна сказала, что так лучше, чтобы папенька не знал, а Макаровна добрая, хорошая, и худого она бы ни за что не позволила сделать.

При переходе через улицу Дуне показалось, что стоявший на углу городской, пристально посмотревши на нее, пошел сзади. «А что как он меня сведет в участок, подумает, что я воровка?» – пришло в голову Дуне, и она, перебежавши улицу, оглянулась. Городовой стоял на прежнем месте. Около одного дома стояла толпа мальчишек, и Дуня перебежала на другую сторону, боясь, что мальчишки отнимут узел. Какой-то плохо одетый человек долго шел рядом

с нею, и Дуне почему-то вообразилось, что он вор, и она пустилась бежать от него. Измученная опасениями и страхами, уставшая, вся в поту, с выбившимися из-под платка и прилипшими ко лбу прядями волос, Дуня разыскала по адресу дом и стала подниматься по лестнице.

Сердце ее шибко билось, когда она, приподнявшись на цыпочки, дернула за звонок у двери, на которой была дощечка с надписью: «Владимир Иванович Громашов».

Дверь открыла горничная.

– Дома г. Громашов? – дрожавшим голосом спросила Дуня.

Горничная с удивлением посмотрела на маленькую швею.

– Дома, а что нужно?

– Скажите, рубашки принесли.

– Хорошо. Погодите.

Горничная впустила Дуню в переднюю и пошла во внутренние комнаты. Дуня встала в уголок, у двери, держа узел в руках. Послышались шаги, и на пороге показался господин с черной бородой.

– Эге, какая маленькая, – сказал он, – поди-ка сюда к свету!

Господин открыл дверь в комнату и поманил Дуню. Та вошла.

– А что же старушка? Ведь я ей заказывал, – спросил Громашов, наблюдая, как Дуня развязывает узел и вынимает рубашки.

– Макаровна больна, – отвечала Дуня.

– Она не мать ваша?

– Нет. Моя маменька умерла.

– Ах, бедная! Ну, покажите!

Г. Громашов взял рубашку, отнес к окну и стал рассматривать.

– Хорошо, – сказал он, – я сейчас примерю!

Он вышел в другую комнату. Дуня осталась в гостиной, у дверей, с любопытством осматривая предметы, большей частью неизвестные ей. Во-первых, ей бросился в глаза большой, в форме груши на трех ножках, предмет из черного дерева, похожий на комод. Дуня вспомнила, что однажды на улице она видела, как такую же вещь несли мужики. У подъезда дома мужики поставили ношу на тротуар, один из них открыл крышку, и ей представился длинный ряд черных и белых пластинок. «Сыграй, сыграй, Семен!», крикнули другие мужики. Семен огромным закорузлым пальцем стал тыкать в пластинки, и они издавали мелодические звуки. «Хо-хо-хо! – захохотали мужики, – вот так роль!» Тыкавший пальцем осклабил, очевидно, довольный своей игрой.

«Это тоже роль, музыка такая, – объяснила себе Дуня, – а это что?»

Она смотрела теперь на четырехугольный стеклянный ящик, стоявший у окна. В ящике была вода и плавали маленькие рыбки.

Не успела Дуня сообразить, для чего бы мог служить этот ящик, как дверь отворилась и вошел г. Громашов.

– Вот что, милая, – сказал он, – сшито недурно, я доволен (щеки Дуни залились румянцем), только мне кажется, что ворот немного широк.

Дуня побледнела. Ноги ее подкосились.

– Ши-широк? – прошептала она.

– Да. Мне кажется. Вы скажите, пожалуйста, старушке, которая шила, чтобы она как-нибудь зашла исправить.

– Макаровна не шила, – робко отозвалась Дуня, – я шила.

– Вы?

Г. Громашов подошел ближе и даже немного наклонился, чтобы рассмотреть маленькую швею.

– Да сколько же вам лет? – спросил он.

– Девять, – отвечала Дуня, – я умею шить; если ворот широк, позвольте, я возьму назад, перешью.

– Такая маленькая и уже работает! Бедная девочка, – сказал про себя г. Громашов и, отойдя к столу, в задумчивости стал барабанить пальцами по стеклу.

– Вот что, милая, – сказал он, повернувшись к Дуне, – я пошутил. Рубашки сшиты прекрасно, так что просто не верится, чтобы вы это шили.

– Право, я... я вас уверяю!

– Верю, верю, голубушка! Не тревожьтесь! Зачем же вы плачете. Ворот как раз! Не широк нисколько! Вам следует 12 рублей? Сейчас! Получите!

Он поспешно вышел в другую комнату и вынес оттуда деньги.

– Куда же вы их положите? – спросил он, отдавая их.

– Я завяжу в узелок, так Макаровна сказала, – отвечала Дуня, вынимая носовой платок и бережно завертывая деньги.

– Хорошо! А только вам все-таки опасно идти одной. Горничная вас проводит.

– Нет, нет, – решительно отвечала Дуня, – я одна! Я не боюсь!

– Так вот вам на извозчика! Берите, берите! Я всегда даю на извозчика, это уж мое правило! Когда увидите Макаровну, скажите, чтобы она зашла, – я еще дам работы для вас.

– Благодарю вас, – отвечала Дуня, – скажу непременно! Прощайте!

– Прощайте!

Дуня вышла на улицу, но вместо того, чтобы нанять извозчика, зашла в фруктовую и на данные ей Громашовым 20 коп. купила Васе и Пете гостинцев. Затем, боясь действительно, чтобы от нее не отняли деньги, пустилась бегом домой. После обеда Дуня робко подошла к отцу и отдала ему свой первый заработок, шесть рублей.

– Что это? – удивился Петр Степаныч.

Дуня призналась во всем, а так как тут была и Макаровна, то старуха подтвердила ее рассказ.

Петр Степаныч взял деньги, погладил Дуню по голове и поцеловал. И в это время, когда он наклонился, Дуня заметила, что его лицо так же дрогнуло, как тогда, когда он разговаривал с молодым белокурым доктором. Петру Степановичу и приятно было, что дочь начала зарабатывать деньги, и гордился он ею в душе, и в то же время невеселые мысли возбуждал в нем этот случай. Слишком рано бедный ребенок выходил на тяжелый путь труда, слишком рано прошла Дуня суровую школу лишений, и не было у ней веселого, беззаботного детства, того детства, при воспоминании о котором улыбаются старики.

Петр Степаныч вздохнул, потом взглянул на Дуню, обнял ее и еще раз крепко поцеловал.

Полевой колокольчик

Сказка

I

На полянке, невдалеке от густого соснового леса, весной выросла целая семья полевых колокольчиков. Земля, на которой росли колокольчики, была сухая, бесплодная, наполовину с песком, травы на ней почти не было; так, кое-где, торчала метлика, а тем не менее колокольчики росли себе да росли, нежились на солнце, пили по ночам медвяную росу и любовались морем, которое расстилалось далеко внизу. В тихую, ясную погоду колокольчики видели освещенную солнцем стальную полосу воды, на ней белые крылья парусов или длинную, серую ленту паровозного дыма.

Видели также колокольчики, как над морем, из темной дали, показывались облачка, скупивались, приближались к лесу, темнели и превращались в грозные тучи, застилавшие все небо. Тогда, откуда ни возьмись, поднимался сердитый ветер, принимался колыхать траву, трепать кусты и деревья, клубами наметать пыль на дороге. А из темной, грозной тучи проливался ливень или сыпался град, грохотал гром, и зигзагами мелькали огненные стрелы молний.

И снова показывалось солнышко, снова становилось хорошо и тепло на полянке. Веселыми стайками проносились над нею перелетные птицы; вытянув шеи, летели треугольником гуси, и не раз, в особенности по ночам, слышали колокольчики их крикливое «га-га-га».

Прилетели птицы, стало шумно и хлопотно в лесу и на соседних полях. Начали птицы петь да гнезда вить; с утра до вечера то тут, то там слышались их голоса.

Жаворонки уже давно прилетели, и одна пара поселилась как раз на той полянке, где росли колокольчики. А вышло это так. Осенью, в распутицу, проехал через полянку мужик в лес, за песком; от колес образовалась глубокая колея, вот в этой-то колее и устроили себе жаворонки гнездо. И какие веселые были эти жаворонки! Чуть станет светать, выскочат из норки, туда-сюда посмотрят, чирикнут оба вместе, глядь, уже поднялись, крылышками трепещут и поют. И чем выше поднимаются к солнцу, тем все громче и громче поют, да так хорошо, такие серебряные трели пускают, что начни слушать, – заслушаешься!

Даже старая, толстая лягушка, которая жила с семейством лягушат тут же, подле полянки, в мутной канаве, – выползет, бывало, на сухое место, поднимет голову кверху, да и слушает, выпучив глаза.

Жил глубоко в земле старый, сердитый шмель. Вылетит он на свет Божий по своим делам, увидит, иной раз, как лягушка слушает, и спросит:

– Ты чего тут? Сидела бы в своей трясине! Ведь все равно ничего не понимаешь.

– Мало ли что! – ответит лягушка, – надоело мне наше лягушачье кваканье, хочется хорошего пения послушать.

А шмель как загудит, да все мимо да мимо лягушки начнет летать, ровно ужалить ее хочет, а сам боится близко подлететь, зная, что лягушка не только его, но и кого угодно слотнет.

Долго выползала лягушка из канавы, да захотелось как-то цапле (и Бог ее знает, откуда она взялась!) тоже послушать, как поют жаворонки; она и прилетела однажды на полянку. Сама нескладная такая, шея и ноги длинные, нос большой, пребольшой, острый! Две ночи проночевала на полянке, стоя на одной ноге, и всех напугала, а лягушку до того, что старуха даже захворала: бросилась со всех ног в канаву, и давай вздыхать:

– Ох, детушки мои! Ох, родные, смертушка пришла! Прилетела моя исконная злодейка, меня и всех вас, детушки, поест!

И все пузыри кверху пускала.

А колокольчикам смешно! Ничто им не страшно, никого они не боятся. Все-то они между собою братья и сестры, и нет около них ни чужих, ни врагов. Подует ветерок, закивают головками колокольчики, наклонятся друг к дружке, и давай шептаться:

– Ах, братцы, как хорошо! Как весело жить на белом свете!

Поднимется буря, начнется ливень, да такой, что все животные, все птицы со страху попрячутся, кто куда: кто в нору залезет, кто на дереве к ветке прикурнет, кто к жилью норovit, – под стреху спрятаться; а колокольчики прилягут к земле, да только друг дружке улыбаются.

– Хорошо, братцы, и в ливень! Днем-то солнышком припекло, а теперь как прохладно!

Ночью, когда все живое заснет, дремлют и колокольчики, – не спят, а только дремлют. Стоят они всей семьей ровно, головки кверху поднимут, смотрят и тихо так слушают, что творится в Божьем мире.

Видят они, как из-за темных, с серебристыми каемками, облаков выплывает луна и бросает таинственный, фосфорический свет на поля, леса, на далекую полосу спокойного моря; шепчутся о чем-то между собою листья, или вдруг застрекочет спросонок, обеспокоенный соседом, кузнечик, или полевые мышки, эти вечные ночные проказницы, поднимут писк и возню; видят колокольчики, как по темному небу бесшумно и мягко промелькнет черная фигура совы; слышат, как перед самым рассветом, из далекой деревни донесется чуть слышное петушиное «ку-ка-реку», или там же, в деревне, на конюшне, заржет жеребенок; слышат и видят все это колокольчики и, радостно покачивая головами, шепчут друг дружке:

– А хорошо, братцы, весело жить на свете!..

II

Только что наступило ясное майское утро, маленький Коля вышел с мамой на прогулку. Они жили в той деревне, откуда доносилось на полянку пение петуха, в собственной даче. Коля вчера только окончил занятия в гимназии (он был в первом классе), и рад был погулять на воле. Он упросил маму идти с ним в лес, «осмотреть старые места». Все было на прежнем месте, все оставалось по-старому. Коле казалось, что лес узнал его и приветливо кивал ему верхушками деревьев, как бы говоря: «Здравствуй! Вот и ты пришел!» Маленькие белки-детеныши проворно бегали по валежнику, между толстыми стволами сосен и, при появлении Коли, останавливались, с удивлением глядя на него. Но стоило только Коле вообразить, что их можно взять в руки, стоило только ему подвинуться на шаг, как белки бросались к ближайшему дереву и проворно вскарабкивались на самую вершину.

Мама с Колей вышли из лесу на поляну. Солнце отбросило от них две длинные тени, которые медленно подвигались вперед, а полевые колокольчики, наклонившись друг к дружке, тревожно зашептались:

– Братцы, что это такое? Кто это идет сюда?

Они, как выросли, ни разу не видели людей, и фигуры Коли и его мамы на тени казались им странными, даже уродливыми, более уродливыми, чем фигура той цапли, которая однажды ночевала на поляне.

– Ах, мама, какие красивые голубые цветочки! – воскликнул Коля, наклоняясь над колокольчиком, – посмотри, какие красивые!

Мама мельком взглянула на колокольчики и продолжала идти, но у Коли вдруг явилось желание взять хоть один колокольчик с собою.

– погоди, мама! – закричал он, – я выкопаю один цветок и возьму с собою.

– Что ты с ним будешь делать?

– Как что? Я возьму с корнем, даже с землей, вот так! – говорил Коля, выкапывая колокольчик и завертывая корень, с приставшей к нему землей, в носовой платок, – приду домой, посажу в цветочный горшок, и он будет расти.

– Наверяд он будет расти. Полевые цветы не живут в комнатах! – заметила мама.

– Отчего? – удивился Коля.

– Я не умею объяснить почему, но знаю, что не живут.

– А я сделаю опыт. Может быть, мой колокольчик не только будет жить, но сделается больше, красивее. Я буду за ним ходить, стану поливать, беречь.

Сидя в платке, колокольчик слышал эти речи и верил, что мальчик будет за ним ходить. «Может быть, я действительно сделаюсь красивее и больше? – думал он, – наконец, интересно было бы узнать, что это за цветочный горшок. Может, это что-нибудь вроде трона, и как это будет хорошо, когда я на нем стану возвышаться!»

Но эти суетные мысли вскоре заменились другими. Колокольчик чувствовал, что с каждым шагом мальчика он все более и более удалялся от родимой поляны и от сестер и братьев, которых он там оставил. Как знать, придется ли им увидеться? И что-то с ним теперь будет? С кем он будет пить медвяные росы, нежиться на солнце, шептаться? Стало колокольчику и грустно, и душно в Колином платке, захотелось ему домой, на волю, да не было то в его власти.

Мальчик принес его в гостиную, развернул платок, и колокольчик удивился никогда не виданному зрелищу. Гостиная была большая комната с паркетным полом и шестью окнами, выходившими в сад и в поле. У окон, в плетеных корзинках на высоких ножках стояли великолепные цветы, испускавшие аромат. Тут были: огненная азалия, бледно-розовая бегония и белая, с нежным голубым оттенком гортензия, и полевая чайная роза, и многие другие цветы.

А по углам комнаты стояли высокие, почти до потолка, пальмы с широкими, ярко-зелеными листьями. На каждом окне висело по клетке с канарейками, а перед одним, посередине комнаты, на высоком, обитом красной материей табурете стояла большая клетка, и в ней кувыркался и качался в кольце большой серый попугай. У другого окна находился аквариум с золотыми рыбками, которые, перегоняя друг дружку, плавали вокруг искусственной скалы из туфа.

– Здравствуйте! Здравствуйте! – закричал попугай, увидя Колю, – вы здоровы? Спасибо!

И, зацепившись клювом за кольцо, подогнув под себя лапки, попугай принялся раскачиваться.

Лежавший белый кот Мурка проснулся от крика попугая, вытянул передние лапки, зевнул и повернулся на другой бок. Он не любил попугаев и даже боялся его. Раз как-то, когда никого не было в комнате, он попробовал броситься на попугая, но тот так больно, до крови долбанул его клювом в нос, что бедный Мурка отошел смущенный и уже не возобновлял нападения.

Покуда Коля занят был пересадкой колокольчика в цветочный горшок, в гостиную вошел большой, черный водолаз Пират. Он остановился подле Коли, долго, с укором смотрел на него и, видя, что тот занят и не обращает на него внимания, мордой подтолкнул его под руку.

– Ах, отстань! – воскликнул Коля, – видишь, я занят; чего тебе нужно?

– Как чего нужно? – взглядом спросил Пират, – неужели тебе не совестно? Ты всегда брал меня с собою, когда отправлялся гулять, а сегодня ушел один.

Коля посмотрел на него и понял его взгляд.

– Что я не взял тебя? – спросил он. – А где ты была, противная собака? Я тебя кричал, кричал, мне, наконец, надоело.

Пират опустил голову, отошел и лег под стол. Ему стыдно было вспомнить, что, увлекшись на заднем дворе костью, которую ему бросил их окна кухни повар, он не слышал Колиного зова.

– Ну вот, так тебе будет отлично, милый цветочек! – сказал Коля, ставя на окно горшок с полевым колокольчиком. – Посмотри, какое у тебя хорошее соседство!

– Спасибо! – крикнул попугай.

Но колокольчик вовсе не чувствовал себя так хорошо, как думал мальчик. Корень цветка лежал в непривычной дерновой земле, которая была слишком влажна и жирна для него, а комнатный воздух, хотя и благоухавший запахами цветов, не мог заменить свежего воздуха полей. Кроме того, будучи простым полевым колокольчиком, он ужасно смутился, попавши в общество знатных, комнатных цветов.

А те-то как важничали, – просто сказать нельзя! Они ничего не говорили, а только надувались от спеси и с презрением смотрели на пришельца. Да и все здесь вели себя как хозяева, непринужденно и даже гордо, и на колокольчика не смотрели, как будто бы его и не существовало.

Канарейки весело прыгали в клетках, словно в родном лесу, и оглушительно пели; попугай цеплялся клювом за толстую проволоку клетки и пронзительно кричал от удовольствия; Мурка спал на спине, согнув лапки; а Пират, позавтракавши костью, лежал на ковре под столом и смотрел на канареек, недоумевая, зачем они прыгают и ни минуты не посидят на месте.

– Попочка кушать хочет! – во все горло закричал попугай.

Канарейки еще пуще заметались по клеткам, и золотые рыбки начали высовывать головы на поверхность воды.

Пришел лакей Семен и положил попугаю в кормушку булку, смоченную в молоке. Попка принялся есть булку, раскидывая во все стороны крошки и, наевшись, крикнул:

– Спасибо!

Семен взял кусочек сухой булки и крошил в аквариум. Золотые рыбки принялись ловить крошки, отнимать друг от дружки. Семена это очень забавляло, и он смеялся; но его позвали, и он ушел, бросив остаток булки в аквариум.

III

Наступила ночь. Полевой колокольчик чувствовал себя совсем больным. Ему не доставало воздуха, влажная земля знобила его корень.

Печально склонив голову, он смотрел в окно на далекое поле и думал, как бы хорошо было, если бы он остался дома, на полянке, среди своих братьев и сестер.

Луч месяца заглянул в окно гостиной и осветил цветы, лепестки которых приняли волшебный вид. Темные тени от широких пальм легли через всю комнату. Канарейки спали, подвернув под крылышки головы; спал и попугай и большинство золотых рыбок. Не спали только цветы и тихо разговаривали между собою.

– Скажите, пожалуйста, сосед, кого это сегодня поставили среди нас? – спросила азалия, склонившись к ярко-красному с серебристыми листьями онтуриуму.

– Не знаю! – гордо отвечал тот, – я никогда не видел такого цветка. Я интересуюсь только самим собою.

– Это полевой колокольчик! – сказал олеандр.

– Полевой колокольчик! – воскликнула гортензия, – первый раз слышу! Что же, это должно быть очень редкое растение? Скажите, пожалуйста, колокольчик, вы знатного рода? Где вы родились?

– Я родился в поле, – скромно отвечал колокольчик, – и я вовсе не знатного рода.

– Вот как! В таком случае, как же вы попали сюда? – спросила бегония.

– Меня вырыл мальчик и принес.

– Была охота! – воскликнула роза. – Вы совсем лишний в нашей семье...

– Вы правы, – согласился колокольчик, – и, поверьте, если бы это зависело от меня, я ушел бы домой. Мне здесь совсем не по себе.

– А вот мы так чувствуем себя отлично! – хором воскликнули цветы.

– Я задыхаюсь! – промолвил колокольчик.

– Пожалуй, вы хотели бы, чтобы открыли окна? – спросила камелия.

– Конечно, это было бы... – начал колокольчик, но его перебила азалия.

– Сохрани Бог! – воскликнула она, – я только этого и боюсь. Еще днем, при солнце, – так и быть, а теперь так холодно!..

– Конечно, конечно! – подтвердили цветы, – да этого никогда не случится: из-за простого колокольчика не станут губить нас...

И они тихонько заговорили между собою и на колокольчика перестали обращать внимание.

IV

Когда настало утро и солнце весело осветило открытые окна комнаты, колокольчик немного ободрился, приподнял голову и стал впивать в себя чудный, свежий воздух и животворное тепло; но некоторым цветам, вроде азалии, слишком сильный свет был вреден, и Семен опустил шторы. Между тем небо начало заволакиваться облаками, солнце скрылось, и в воздухе повисли тяжелые, грозовые тучи. Пригретый солнцем колокольчик радовался наступлению грозы. Он мечтал, как она освежит его, холодным дождем напоит его, даст ему новые силы. А комнатные цветы дрожали от холода и страха, опасаясь, что Семен забудет закрыть окна, буря ознобит их, оборвет, уничтожит их роскошный убор.

Но лакей отлично помнил свои обязанности. Как только он заметил, что поднялся ветер, и стали падать первые, крупные капли дождя, он быстро вошел в гостиную и принялся запираť окна. И по всему дома поднялась суматоха. Коля только что собирался идти с мамой гулять, совсем уже оделся, как вдруг мама сказал, что гулять идти нельзя.

– Но мы возьмем зонтики! – говорил Коля, – нас не промочит.

– Нет, Коля, нельзя! – говорила мама. – Собирается гроза, и мы все равно измокнем. Посиди дома, займись чем-нибудь. Возьми книжку, которую я тебе купила, – помнишь, с картинками?

Коля взял книжку, сел в гостиной; но пришел Мурка, толкнул его под локоть, как бы говоря: «Полно тебе читать, поиграй лучше со мною», и Коля начал учить Мурку прыгать через руки.

Раздался страшный удар грома и, казалось, потряс весь дом. Коля бросил кота, подошел к окну и стал смотреть в поле.

И колокольчик, поникнув головой, тоже смотрел в поле. И Коля, и колокольчик – оба были печальны. Но мальчик был грустен оттого, того начиналась гроза и нельзя было идти гулять; а колокольчик хотел бы быть в это время на своей полянке, хотел бы испытать грозу, но ему приходилось задыхаться в душной комнате.

Он смотрел в поле и видел, как оно все вдруг покрылось какой-то сероватой дымкой, сквозь которую видны были длинные, косые полосы дождя; он видел, как в небе зигзагами сверкала молния, как откуда ни взявшийся вихрь подхватывал прошлогодние, сухие листья, солому, бумажки, разный сор, крутил все это столбом и уносил куда-то далеко, далеко. Крупные капли дождя барабанили по стеклам закрытых окон и, подобно слезам, стекали вниз, и колокольчик, обессиленный, умирающий, жаждавший свежего воздуха, дождя, тоже плакал невидимыми слезами.

– Мама! – спросил Коля, отрываясь от окна, – что это случилось с колокольчиком?

– Он вянет! – отвечала мама, – я тебе говорила, что он не выживет.

– Может быть, земля в горшке суха, нужно полить? – спросил Коля и сейчас же пошел, принес воды и полил и без того влажную землю.

– Это не поможет! – сказала мама: – колокольчик не комнатный цветок... Помнишь, Коля, в позапрошлом году ты посадил в цветочный горшок подсолнечник?

– Помню, мама! Он ведь принялся, стал расти.

– Да, да, даже появился цвет; но какой это был хилый, жалкий подсолнечник! А на огороде такой же подсолнечник вырос более двух аршин в высоту, был зеленый, сочный, а цветок его, право, был величиною с твою фуражку!

– А может быть, мой колокольчик выживет? – спросил Коля.

– Не думаю. Впрочем, посмотрим!.. – отвечала мама.

V

Но колокольчик не выжил... Прогрела гроза; Коля вышел в сад и нашел себе новое занятие, совершенно забыв о цветке. И колокольчик стоял на окне, все более и более увядая. Ни азалия, ни гортензия не разговаривали с ним: для них это не был даже цветок, хотя бы полевой, а просто – сухая травка, которая напрасно только занимала место.

То же самое подумал, вероятно, и Семен, пришедший однажды поливать цветы. Земля в горшке, в котором был колокольчик, засохла и потрескалась; но Семен не стал даже поливать ее, а открыл окно и выкинул горшок во двор.

Дворник подметал в это время двор и, увидя цветочный горшок с отбитым при падении боком, подхватил его метлой и замел, вместе с другим мусором, в угол. Целый день пролежал колокольчик в куче мусора. Теперь он был на вольном воздухе; но и воздух не мог уже его поправить: корень колокольчика, плотно сидевший в комке сухой земли, стал засыхать...

Поздно вечером дворник запряг в телегу старую, белую лошадь, подъехал к куче мусора и принялся лопатой наваливать мусор в койку. Железо лопаты стукнуло о цветочный горшок. Дворник взял горшок, думая, что он на что-нибудь может пригодиться, и, увидя, что он разбит, бросил его в койку, а помадную банку, которая была цела и валялась тут же, положил в карман.

Нагрузив койку, дворник чмокнул на лошадь и шагом выехал из ворот. Был прекрасный тихий вечер. Полная луна стояла в небе и чудным светом озаряла безмолвные поля и далекую, зубчатую каемку леса. Закрытый в глубину койки, колокольчик не видел ни луны, ни полей.

Старая белая лошадь плелась шагом; дворник шел рядом, курил трубку и мурлыкал песенку. Но вот телега въехала на ту полянку, на которой росли колокольчики, остановилась, и дворник, схватившись за край койки, вывалил содержимое на траву. Горшок с колокольчиком вывалился тоже и подкатился к самому тому месту, где было семейство колокольчиков. Затем дворник дернул вожжами, и телега повернула обратно. Еще долго был слышен однообразный скрип ее несмазанных колес и затих в ночном безмолвии.

Умиравший колокольчик узнал свою полянку; здесь он родился вместе с братьями и сестрами, и вот они все, выросшие, ставшие еще красивее, склоняются друг к дружке головками и шепчутся...

Колокольчик не делает попыток освободиться из своей тюрьмы, Да у него и не было на то сил, – он лежал и прислушивался к шепоту своих братьев.

Яркая луна озаряла полянку, обильно смоченную росой. Вдали сверкала полоска моря... Вот черкнула по небу черная фигура совы и, бесшумно махая мягкими крыльями, исчезла за лесом. И освеженные ночным воздухом колокольчики дружной семьей впивали в себя медвяную росу.

Все было по-прежнему, все было как тогда, когда колокольчик, счастливый, полный сил, рос вместе с братьями; а теперь он, умирающий, брошен был в разбитом горшке на поляну, и родная семья не узнала его.

– Братцы, что это такое лежит там? – спрашивали друг друга колокольчики и, недоумевая, качали головами.

Старая лягушка, за нею и лягушата, разбуженные скрипом телеги, выползли из канавы; старушка осторожно подскакала к горшку, потрогала его лапкой и, убедившись, что предмет этот не живой, вскочила на него и уселась.

– Ква! Ква! – проквакала она: – если бы можно было спихнуть эту штуку в воду, я бы сделала из нее дворец для своих лягушат.

Услышав о дворце, прибежали две полевые мышки-проказницы, потыкали носиками в днище горшка, увидели дырочку и подумали, что если бы можно было стащить горшок на межу, то из него можно было бы сделать дворец не дворец, а хорошенький домик с окошками.

Затем приползли два муравья, основательно осмотрели горшок со всех сторон, пощупали его лапками и решили, что когда он от сырости придет в ветхость и станет рассыпаться, то нужно будет по маленьким кусочкам перетаскать его в их подземное жилище и сделать из него своды в коридорах.

Все думали и говорили о горшке, и никто не только не подумал о колокольчике, но даже не заметил его. А он в предсмертной истоме звал к себе своих братьев, напоминал им о себе, говорил, что он их брат, что он родился тут, вместе с ними, молил их о помощи, и никто не слышал его зова. Так промучился он всю ночь и, когда с востока брызнули золотистые, первые лучи солнца, встрепенулись и подняли головки оживленные колокольчики, и птицы проснулись и защebetали в лесу, и жаворонки, поднявшись высоко, вознесли хвалу Творцу, – тогда колокольчик умер.

Ворона

І. Часовщик Илья Петрович

Однажды Митин отец, заводя карманные часы, испортил их. Нужно было идти к часовщику починить. Митя напросился идти с папой, и оба отправились к жившему неподалеку знакомому часовщику, Илье Петровичу.

Илья Петрович был маленький, кругленький человек лет под 50 с редкими, седыми волосами на голове, которые никак не хотели лежать гладко, а все топорщились кверху.

Он осмотрел часы в увеличительное стекло и объявил, что сломалась пружинка и часы могут быть исправлены в полчаса.

– А куда пойдете ко мне наверх, посидим, потолкуем, – прибавил он, и стал подниматься по деревянной лесенке, которая вела в его единственную комнату.

Митя с отцом последовали за ним. Они вошли в большую, темную комнату в одно окно, обращенное на грязный двор. Мебели в ней было очень мало; обтянутая темной материей, она придавала комнате еще более невеселый вид. Черная драпировка скрывала кровать; на стенах висели какие-то запыленные гравюры в рамках и фотографические карточки.

Мите стало как будто немного скучно в этой мрачной комнате; чтобы развлечь его, Илья Петрович спустился по лесенке и принес из кухни ворону.

Ворона была очень молода и вряд ли могла летать как следует, однако, «на всякий случай», как объяснил часовщик, у нее обрезали немного крылья.

Как только Илья Петрович опустил ворону на пол, она принялась очень смешно прыгать, как-то все боком; прыгая, взобралась на стул, потом на диван, оттуда на стол, со стола на окно, и, уставившись носом в стекло, стала смотреть на двор. Сперва Митя смеялся, глядя на прыжки вороны, но потом, взглядевшись пристальнее, перестал смеяться. У птицы был такой грустный вид, что Мите показалось, будто она скучает, что ее заперли в душную комнату и не дают полетать на воле.

То же самое, должно быть, подумал и папа, потому что спросил Илью Петровича:

– Зачем у вас эта ворона?

– Да как вам сказать, – рассмеялся хозяин: – так вот держу! Мне ее мальчишки принесли, она из гнезда выпала. И принесли-то ее совсем еще птенчиком, есть не умела, только все рот раскрывала. Ну, я и выкормил ее.

– Но теперь ее можно бы было выпустить?

– Не хочется выпускать, привык уж я очень к ней! Да и ручная такая сделалась! Я даже нарочно крылья подрезал, чтобы как-нибудь не улетела. Слышал я, что вороны очень умны; ну, и подлинно; каких только штук она не выделывает! Вот только «умирать» еще не научил.

– Как это умирать? – спросил Митя.

– Да вот, как собак учат. Скажешь ей: «Умри!» она ляжет на пол, ноги вытянет, совсем как бы умрет. Презабавно! У меня, видите ли, есть котенок, так она все с ним дерется из-за говядины. Хотите посмотреть?

Но Митин отец отказался и посоветовал еще раз выпустить ворону на волю, когда у нее подрастут крылья.

– Нет уж, зачем же, – отвечал часовщик: – ей у меня, я думаю, лучше. Я ее говядиной кормлю. А какая она жадная! Вот, погодите, принесу говядины, вы увидите, как она примется есть.

Он сбегал вниз, принес несколько кусочков сырой говядины, стал катать из нее катышки и бросать вороне. Та прожорливо глотала их.

– Не хотите ли заняться? – предложил часовщик Мите, – а я пойду посмотрю, не починили ли подмастерье часы.

Митя взял говядину и тоже начал бросать птице катышки. Сперва она очень недоверчиво относилась к незнакомому мальчику и стояла неподвижно, перестав есть, потом сделалась смелее и начала подбирать катышки. Под конец, она уже совсем освоилась и близко подскочила к Мите. Митя хотел ей дать говядины из рук, но ворона вдруг отпрыгнула, раскрыла рот и уставилась на него своими черными, блестящими глазами.

Митя долго смотрел ей в глаза, и ему невольно пришло в голову замечание часовщика, что вороны умны. Таким умом, такой понятливостью светились глаза вороны, словно, вот-вот, она сейчас заговорит!

Мите почему-то сделалось вдруг неловко. Он никак не мог объяснить себе причину этого и очень обрадовался, когда Илья Петрович вошел в комнату с часами в руках. Отец расплатился с ним и они вышли из магазина.

– А что, папа, подрастут у вороны крылья? – спросил Митя на улице.

– Конечно, подрастут, – отвечал отец.

– И тогда она улетит?

– Да.

– И станет отыскивать своих родителей?

– По всей вероятности.

– А они умные, вороны?

– Даже очень.

Отец рассказал ему кое-что о воронах, чем крайне заинтересовал мальчика, а когда они пришли домой и вечером в гостиной зажгли лампу, отец принес толстую книгу с картинками и стал рассказывать Мите о разных странах и животных.

В книге этой было множество изображений разных людей, населяющих земной шар, и животных. Митя чрезвычайно любил эту книгу и всегда с интересом слушал рассказы отца; но на этот раз он был очень невнимателен, все думал о вороне.

Наконец, пробило 8 часов, когда Митя обыкновенно ложился спать; попрощавшись с отцом, он отправился в детскую.

II. Ночная гостья

Детская, в которой спал Митя, была большая, светлая комната с двумя окнами, выходившими в сад. Мебели в ней было очень немного, и вся она состояла, кроме няниной и Митиной кроватей, из нескольких соломенных стульчиков и стола, подходивших как раз под Митин рост.

Придя в детскую, Митя снял с себя платье и сапоги, аккуратно сложил все на стульчик, стоявший подле кровати, и, помолвившись Богу, лег.

Ярко теплилась лампадка перед иконой. Все вокруг было тихо, все располагало ко сну, только ветер чуть слышно завывал в трубе. Лежа в постели, Митя смотрел еще некоторое время на колеблющийся свет лампадки, затем веки его отяжелели, глаза стали понемногу смыкаться; вот они совсем закрылись, и Митя заснул глубоким сном.

Но недолго пришлось ему спать.

Он вдруг услышал стук в форточку. Раз, другой! Митя открыл глаза и соображал, что бы это был за стук. Но все было тихо.

Лампадка теплилась по-прежнему, только свет от нагара сделался как будто меньше. В трубе все еще ворчал ветер.

Митя делал усилия над собой, чтобы преодолеть дремоту, и ждал стука, разбудившего его.

Стук повторился, и на этот раз еще громче.

Митя не был трусом. Недаром он любил играть с саблей и хотел быть гусаром. Вспомнив, что солдаты не должны ничего бояться, и предположив, что стучит форточка, раскрывшаяся от ветра, Митя хотел разбудить няню и попросить ее закрыть форточку. Но няня была так утомлена, так крепко спала, что Митя решил сделать это сам, и, надев туфельки, подошел к окну, прикрытому спущенной занавеской.

Подходя к окну, он заметил, что занавеска колыхалась, и из-под нее дуло холодом. Значит, правда, что форточка открылась. Он приподнял конец занавески и... так и замер от удивления!

Форточка, в самом деле, была открыта, а на раме сидела ворона.

Митя тотчас узнал в ней ворону часовщика. Она сидела, не двигаясь, и пристально смотрела на него своими умными глазами. Невольно Мите стало как-то жутко, и он хотел уже крикнуть няню, как вдруг, к величайшему его изумлению, ворона заговорила:

– Здравствуй, мальчик! Как я рада, что нашла тебя! Ты уж спал?

– Да, я спал! – отвечал Митя, все еще не доверяя глазам, до того казалось ему странным и это посещение, и, главное, то, что ворона говорила на понятном ему человеческом языке.

– Ну да, я так и знала! Но не думаю, чтобы ты пожалел, что я тебя разбудила, так как я хочу тебе сделать одно предложение. Ты мне очень понравился.

– Чем же я тебе понравился? – спросил Митя. Он уже успел освоиться с неожиданным появлением вороны и перестал бояться.

– А вот чем! Ты не такой мальчик, как другие, которые, вероятно, думают, что животные и птицы им даны на потеху, и, будучи сильнее, мучают нас: дергают за хвост, бьют, выщипывают перья, привязывают на веревочку...

– Знаю. Вот почему прежде, чем отправиться разыскивать своих родителей, я прилетела к тебе.

– Но как же ты могла уйти от часовщика?

– Очень просто! Хозяин забыл, когда подрезал мне крылья, а так как это было давно, то крылья успели подрасти настолько, что я могу теперь свободно летать. Вот я взяла да и улетела, благо, он не унес меня в свой чулан, а оставил в комнате. Если бы ты знал только, как я рада теперь, как тяжело мне было в неволе!

– Но ведь хозяин кормил тебя говядиной?

– Свобода дороже всего на свете. Я лучше соглашусь питаться червячками и зернами и жить на свободе, чем есть говядину и сидеть в темном чулане или глядеть на грязный двор сквозь запыленные стекла! Ты себе представить не можешь, какое наслаждение летать по воздуху, быть, где захочешь, в разных странах, видеть разных людей, птиц, животных, словом, видеть все то в действительности, что нарисовано в твоей любимой книге.

– Да, это должно быть очень хорошо! – согласился Митя.

– Еще бы! Вот я и подумала: «Дай-ка загляну к Мите, он добрый мальчик, не выгонит меня, не прибьет и даже, может быть, согласится полетать вместе со мной».

– Как! Лететь с тобой? Но я не могу, у меня нет крыльев.

– Не беда! Ты будешь держаться за меня.

– Но я гораздо больше и тяжелее тебя.

– И об этом не беспокойся! Как только ты возьмешься вот за это перо, то сейчас же сделаешься легок, как пух. Ну, так что же, согласен?

Митя не знал, согласиться ему или нет. И полетать-то ему хотелось по разным странам, и, в то же время, он боялся, что няня и отец хватятся его, не найдут, подумают, что он пропал, будут горевать, плакать.

Ворона словно угадала его мысли.

– Ты не думай, – сказала она, – что мы будем летать долго. Нисколько! Только эту ночь и летаем, а к утру, папа еще не проснется, как ты уж будешь в своей кровати.

– В самом деле? – обрадовался Митя: – к утру я буду дома? Ну, коли так, полетим!

И только что он успел взяться за перо вороны, как произошло необыкновенное чудо: детская, его кровать, спящая няня – все в одну минуту исчезло из глаз; не успел он ахнуть от удивления, как ворона, вместе с ним, очутилась в саду, и оба стали плавно подниматься на воздух.

III. В воздухе

Ночь была темная-претемная и морозная. Под ними, запорошенный снегом, словно закутанный в белую шубу, спал город. Тускло мигали газовые фонари, прохожих не было видно, возвышалась только сплошная, черная громада домов с торчащими на них трубами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.